

Это нереально...

Проснувшись полмесяца назад, Кален потратил почти неделю на то, чтобы смириться с тем, что он переместился в другой «реальный мир», а не оказался в плену собственного сна или фантазии.

Но сейчас,

то, с чем он столкнулся,

никак не могло быть реальностью!

Он должен был быть... нет, он определенно все еще находился в подвале дома Иммерлесов,

и все странности начались, когда он попытался повернуть голову Джеффа.

В сочетании с огромными красными туфлями на высоких каблуках и лицом женщины перед ним – все эти элементы, не вписывающиеся в реальность и превосходящие пределы рационального мышления, – указывали лишь на одно: его «загипнотизировали».

Слово «гипноз» можно трактовать по-разному, но в данном случае оно означало отделение его от физического тела и заточение в мире духовного.

Проще говоря: сейчас он... видел сон.

Из радиоприемника все так же доносился белый шум,

а над ним,

губы женщины начали медленно раздвигаться,

и даже достигнув предела, который могло выдержать нормальное человеческое лицо, они продолжали растягиваться, и Кален мог ясно слышать скрежет, похожий на звук расстегивающейся молнии.

Наконец, все лицо оказалось разделено пополам огромным ртом, и некогда плотно прилежавшие друг к другу зубы, теперь растянутые в стороны, образовали широкие промежутки, а огромный подвижный язык самым зловещим и ловким образом стремительно опустился вниз!

Как ящерица, собирающаяся проглотить маленького комара.

- Вжух!

Кален почувствовал, как его окутывает липкое тепло, и его резко потянули вверх.

Когда человека быстро поднимают на высоту или, если говорить более обобщенно, быстро перемещают, то он испытывает щекочущее ощущение, подобное тому, что возникает при катании на пиратском корабле или американских горках.

И если эта стимуляция достигает определенной степени интенсивности, то человек легко теряет ориентацию и даже может упасть в обморок.

Это сон, это всего лишь сон...

Кален повторял это про себя, понимая, что сейчас ему нужно как можно скорее «проснуться».

Он не до конца понимал, почему все так обернулось, но это не мешало ему пытаться объяснить неизвестное с помощью знакомых ему методов, даже если это означало действовать наобум.

Духовный мир человека всегда был загадочным «местом».

Нормальный человек, видя сон, в определенный момент просыпается естественным образом. Исключительно редко случается так, что он осознает, что это сон, но не может проснуться. Такое состояние называют «сонным параличом».

В другой группе энтузиастов его называют «осознанным сновидением». С помощью определенных тренировок и методов самовнушения можно повысить вероятность достижения этого состояния.

Однако большинство людей, заинтересовавшись поначалу, в конечном итоге стараются избегать подобного опыта, потому что каждый раз, когда они с трудом просыпаются, чувство «отчаяния», охватывающее их, подобно тому, что испытывает тонущий человек, поднимающийся с глубины, сводит их с ума и заставляет испытывать первобытный страх.

А люди, чье мышление постоянно подвергается испытаниям в силу специфики их работы, в такой ситуации склонны делать свои «сны» еще более реалистичными, по сути загоняя себя в ловушку.

В более серьезных случаях им снятся многоуровневые сны, и подсознание начинает «работать» самостоятельно, обманывая их с помощью сна, заставляя их «пробуждаться», но при этом перемещаясь на новый уровень сна, чтобы снизить сопротивление «сну». Это можно назвать самообманом.

Если «сонный паралич» обычного человека – это как подъем из бездны, то в данном случае это похоже на то, как любитель зимнего плавания, всплывая на поверхность, обнаруживает над головой толстый слой льда.

К каким последствиям может привести невозможность проснуться во сне... пока сказать трудно, поскольку в свидетельстве о смерти нет графы «умер во сне», а те, кто «проснулся ото сна», легко забывают о пережитом, поскольку это был всего лишь сон, не причинивший им никакого физического вреда.

Ветер свистел в ушах, язык оказался на удивление упругим, Калена подбросило вверх и с огромной скоростью втянуло в пасть.

Затем

он услышал, как его жуют и посасывают,

звук, от которого мурашки бежали по коже,

не переставая доносился до его ушей.

Тебя едят, тебя разрывают на части, тебя глотают...

Ты умираешь... ты умираешь... ты умираешь... ты... мертв!

Кален понимал, что если он немедленно не проснется, то окажется в большой беде.

Человек, переживший смерть, как правило, не начинает относиться к ней легкомысленно... наоборот, он начинает еще больше ценить прелесть жизни, и Кален не был исключением.

Он не хотел умирать!

В таких обстоятельствах ему нужно было собраться с силами и проявить мужество, чтобы прорваться сквозь пелену «сна», вернуться в свое тело, в реальность.

В прошлом, по долгу службы и в силу своих интересов, Кален не раз сталкивался с подобным, и хотя эти ситуации и не шли ни в какое сравнение с нынешней по своей странности и ужасу, у него был четкий и действенный план действий.

Иллюзии нужно пронзать реальностью.

Слабость нужно укреплять идеалами.

Зло нужно уничтожать правдой!

Когда собственных сил не хватает, можно попытаться обратиться за помощью извне.

Поэтому

Кален запел,

запел во весь голос, вложив в это всю свою душу:

– Вставай, проклятьем заклейменный! Вставай, кто голоден и нищ! Кипит наш разум возмущенный, и раб встает, не страшась...

В такие моменты вера и убеждения должны были превратиться в мощную силу воли, которая помогла бы ему выбраться из этого духовного болота, к тому же, в прошлой жизни Кален был убежденным материалистом.

По мере того, как он пел,

звук собственного пережевывания постепенно стихал, и Кален почувствовал, как его тело поднимается вверх. Продолжая петь, он медленно опустил голову.

Он увидел женские зубы, женский язык,

затем женский рот,

все женское лицо,

и наконец,

увидел лицо, которое, казалось, росло между ног или было с ними как-то связано... Это была картина, вызывающая крайне неприятные ощущения.

И в этот момент

белый шум стих,

а затем

тот же мужской голос, что и раньше, произнес с некоторым удивлением:

– Э... а ты кто?

А затем:

– Это... где это я?

Кален поднял голову,

задействуя все свои чувства,

открой глаза,

открой глаза,

открой глаза!

...

– Вжух!

Кален открыл глаза

и увидел перед собой тетю Мэри, которая смотрела на него с тревогой.

– Ох... ох... ох...

Увидев, что Кален пришел в себя, тетя Мэри опустилась на пол и стала похлопывать себя по груди:

– Ты напугал меня до смерти! Кален... ты знаешь, как ты меня напугал, когда вдруг упал в обморок...

Недавно этот племянник перенес тяжелую болезнь и чуть не умер;

случись с ним сейчас что-нибудь еще, тетя Мэри не знала бы, как смотреть в глаза свекру, ведь он сам помог ей спустить тело.

Кален сделал глубокий вдох,

с трудом улыбнулся

и сказал:

- Все в порядке, тетя, наверное, я просто еще немного слаб.

Кален поднял голову и увидел, что лицо Джеффа на катафалке уже приняло нормальное положение.

- Мяу...

Из-за двери мастерской тети слышалось мяуканье кота. Черный кот Пуар просунул голову в дверь, словно с любопытством оглядывая происходящее.

Кален уперся руками в пол, пытаясь встать, но внезапно почувствовал боль в лице, а затем теплую струю, хлынувшую из носа. Кровь капала на пол.

- Я... я просто хотела разбудить тебя, вот и шлепнула тебя разок, - объяснила тетя Мэри.

Это называется... шлепнула?

Но что мог сказать Кален? Он лишь выдавил:

- Спасибо, тетя.

- Иди наверх отдохни, позови Мину, пусть она приберется, тебе здесь больше делать нечего.

Тетя Мэри больше не могла позволить своему племяннику оставаться здесь.

Кален кивнул, встал, снова посмотрел на лежавшего на катафалке Джеффа и почему-то решил, что его внезапный сон как-то связан с этим трупом. Что, если тетя останется здесь работать одна, не подвергнется ли она опасности?

В этот момент со стороны винтовой лестницы слышался голос его двоюродного брата Лента:

- Мама, дедушка вернулся.

Дедушка был в доме Иммерлесов полновластным хозяином, и, как правило, когда он возвращался домой, все домочадцы, особенно женщины, должны были его встречать, даже если... были заняты работой.

Лент подбежал к ним. Он тоже увидел труп на катафалке, но не испугался.

К чему-то страшному, что постоянно появляется в твоём доме, быстро привыкаешь.

– Лент, отведи брата к сестре, пусть она обработает ему рану, – велела Мэри.

Она очень боялась, как бы не сломать Калену нос, когда отвешивала ему пощечину. Если не обработать рану, кровотечение может и не остановиться.

– Хорошо, мама. Пойдем, брат.

Кален поднял голову, зажав нос одной рукой, а другой держась за руку Лента, и направился к выходу. Проходя мимо винтовой лестницы, он почувствовал, что перед ним стоит человек.

Его фигура не отличалась величиём, но в то же время от него исходило ощущение некой «устойчивости», словно он мог с лёгкостью справиться с чем угодно.

Тревога, обуявшая Калена, немного утихла.

– Дедушка, – поздоровался Лент.

– Дедушка, – поздоровался и Кален.

В его памяти дедушка Деас Иммерлес был человеком строгим, но к своему «старшему внуку» всегда относился с теплотой.

– Угу.

Деас кивнул и спустился вниз. Он ничего не сказал и никак не прокомментировал окровавленный нос Калена.

Лент, похоже, немного побаивался дедушку и поспешил увести брата наверх, к сестре.

Лампа в подвале горела тускло.

Когда Деас спустился, он как раз увидел черного кота Пола, грациозно направляющегося к

нему.

Деас остановился,

и черный кот тоже остановился.

- У тебя сегодня выходной? – спросил Деас.

- Мяу...

Черный кот Пуар вильнул хвостом и склонил голову набок, словно не понимая, о чем говорит Деас.

Деас махнул рукой, не желая больше разговаривать с котом, и направился в мастерскую своей невестки.

Мэри как раз курила. Она еще не успела оправиться от испуга, вызванного обмороком племянника, и не ожидала, что свекор так быстро спустится. Она испуганно потушила только что прикуренную сигарету, затянувшись напоследок и, закашлявшись, проглотив дым.

- Кхм... кхм... кхм...

У Мэри от кашля навернулись слезы на глаза.

Деас, похоже, не обратил на невестку никакого внимания, а сразу же перевел взгляд на Джеффа. Он протянул руку, приподнял веко Джеффа, затем положил ладонь ему на грудь.

Затем взгляд Деаса слегка посуровел.

После этого он сделал шаг назад, словно изучая обстановку в мастерской, и принялся.

Мэри поспешно сказала:

- В следующий раз я не буду курить в мастерской, больше никогда!

Мэри действительно боялась своего свекра. И дело было не только в том, что они с мужем жили в его доме. Просто свекор сам по себе был человеком... пугающим, и неважно, что он был еще и добродушным священником церкви на Минк-стрит.

Деас махнул рукой и спросил:

- Что здесь произошло?

- Я... Кален вдруг потерял сознание, и я, чтобы привести его в чувство, сломала ему нос, я...

- Кален потерял сознание?

- Д-да.

- И потом вошел Пуар?

- Пуар? - Мэри удивленно моргнула, прежде чем до нее дошло, что речь идет о домашнем черном коте. Она никак не могла взять в толк, почему свекор дал коту такое неблагозвучное и труднопроизносимое имя.

- Кажется... я... - Мэри изо всех сил пыталась вспомнить. - Кален сам очнулся, а Пуара, Пуара здесь не было.

Она не обратила внимания, был ли черный кот у входа в мастерскую, но была уверена, что рядом его не было, по крайней мере, в саму мастерскую он не заходил.

- Не было? - Деас, казалось, задумался. - Кален сам очнулся?

- Да, отец.

- Где он умер?

- Вот социальный ваучер, отец. Судя по всему, он замерз насмерть прошлой ночью на улице.

- Социальный ваучер? Позови-ка сюда своего мужа.

- Мейсон в санатории «Цветочная бухта»...

- Позови его сюда.

- Хорошо, отец, как скажешь.

Хоть Мэри и жила в этом доме уже довольно долго, но в присутствии свекра все еще чувствовала себя скованно. Многие невестки называли своих свекров и свекровей по имени, но она бы ни за что на это не решилась.

Обращение «отец» имело для нее сакральный смысл.

Немного растерянная, невестка вышла из мастерской.

Деас закрыл за ней дверь, подошел к каталке, сел на стул, на котором до этого сидела Мэри, и посмотрел на лежавшего перед ним Джеффа.

В мастерской воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием лампочки, яркость которой время от времени менялась из-за перепадов напряжения.

Деас протянул руку,

сжал ее в кулак,

и у его ног

появились черные тени, которые, словно безумно разросшиеся лозы, быстро поползли по плитке и стенам, «окутывая» собой все вокруг.

Затем

Деас сказал:

– Скажи мне, как ты умер.

Абсурдная сцена: он задавал вопросы мертвому человеку.

Но то, что произошло дальше, было еще абсурднее: лежавший на катафалке давно уже мертвый Джефф медленно сел...

<http://tl.rulate.ru/book/77240/4236022>